

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-30-39

ИЗ ЭТИМОЛОГИЙ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ НА «ТАЛ-//ТОЛ-»¹

Мария Олеговна Леонтьева

лаборант-исследователь Топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. marileonteva@yandex.ru

SPIN-код: 4303-7590

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Статья поступила в редакцию 25.08.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Леонтьева М. О. Из этимологий русских диалектных слов на «тал-//тол-» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 30–39. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-30-39

Please cite this article in English as:

Leont'eva M. O. Iz etimologiy russkikh dialektnykh slov na «tal-//tol-» [From the Etymology of Russian Dialectal Words with the Root 'tal-//tol-']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 30–39. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-30-39 (In Russ.)

В статье проводится этимолого-мотивационный анализ трех диалектных лексических групп с предполагаемым корнем *тал-//тол-*. Рассматриваемые диалектизмы автор относит к гнезду *талый/таять*, при этом для каждой лексической группы предпринимается попытка восстановить собственную мотивационную логику. В первой части статьи анализируется слово *талы (толы)* 'глаза', вопрос о происхождении которого в настоящий момент следует считать не вполне решенным. Приводятся известные автору гипотезы происхождения слова, среди которых есть как исконная версия (приведение к гнезду *таять*), так и предположение о заимствовании. Развивается и дополняется исконная версия происхождения слова с опорой на его семантические и функциональные характеристики, особенности восприятия органа зрения в языке и культуре и мотивационные закономерности в диалектных обозначениях глаз. Версия о заимствованном (тюркском) происхождении слова подвергается критическому анализу через обращение к закономерностям появления тюркских заимствований в русских говорах. Вторая часть статьи посвящена лексической группе *талики/толики* 'спелая морошка'. В разных источниках эти лексемы трактуются, с одной стороны, как финно-угорское заимствование, с другой – связываются с рус. *таять* и интерпретируются при этом как результат семантического калькирования финно-угорских языковых данных. Приводятся дополнительные аргументы в пользу версии о принадлежности названий спелой морошки к гнезду *таять*, при этом допускается возможность исконного (не калькированного) происхождения номинации. В заключительной части статьи автор обращается к диалектизму *талица* 'брюква', этимологические решения для которого неизвестны. Автор возводит данное слово к *таять*, что аргументируется особенностями выделения сока брюквой при ее приготовлении. В заключение сопоставляются некоторые другие названия морошки и брюквы, а также выводятся общие семантические линии «таяния» и «парения» для анализируемых фитонимов.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; этимология; мотивационный анализ; языковые контакты; соматическая лексика; пейоративы; фитонимия.

В русских говорах зафиксировано несколько темных слов с предполагаемым корнем *тал-//тол-*, которые заслуживают обстоятельного семантико-мотивационного изучения. Данная статья не претендует на исчерпывающий анализ всех русских диалектных слов на *тал-//тол-*, в круг нашего внимания вошли лишь некоторые из них – *та́лы/то́лы* ‘глаза’, *талики́/толики́* ‘спелая морошка’ и *та́лица, та́лика* ‘брюква’. Анализируемые диалектизмы, во-первых, представляют определенные сложности при этимологизации, во-вторых, по нашим наблюдениям, интересны в семантико-мотивационном отношении. Предположительно, они связаны с *таять, талый*, но мотивационная история у каждого из них, разумеется, своя.

Начнем с пейоративного обозначения глаз вят., пенз., перм., ср.-урал. *талы́* [Опыт: 226; СРНГ 43: 248; СПГ 2: 423; ДЭИС], представленного также в варианте с другой огласовкой – вят., перм., горьк., южн., яросл., костр. *толы́* [СРНГ 44: 220; ДЭИС; ОСВГ 11: 60–61]. Эти два варианта встречаются также с ударением в корне: башк., морд., пенз., ср.-урал. *талы́* [СРГБ: 336; СРГМ 2: 1297; СРНГ 43: 248; ДЭИС], башк., яросл., костр. *толы́* [СРГБ: 336; ЯОС 9: 107; Ганцовская 2015: 382]. Приведем некоторые контексты, в которых ярко проявляется экспрессивность рассматриваемой номинации: *Талы́-те вытарашиши, стамошарой* [СПГ 2: 423], *Толы́-то у нее большенные!* [ОСВГ 11: 60], *Толы́ твои бессовестные!* [Ганцовская 2015: 382]. Данный диалектизм входит в один ряд со множеством синонимичных «глазных» экспрессивов, таких как арх., влг. *бэлыши*, свердл. *лунди́щи*, влг. *пучеги, рачилы*, влг., новг, вят. *түски*, шир. распр. *зенки, шары́, шарёшки, шарёнки* [СРНГ 1: 259; 2: 234; 17: 194; 45: 288; ЛКТЭ; КСГРС] и др. Мотивационные особенности единиц из этой лексической группы были проанализированы, в частности, в [Власова 1997: 10–11, Ясинская 2018: 73–74; Леонтьева 2019: 411–416].

Как справедливо отмечает М. В. Ясинская, внутреннюю форму таких экспрессивов часто трудно объяснить однозначно [Ясинская 2018: 73]. Рус. диал. *талы́/толы́* является одним из самых темных слов из этого ряда. Прежде чем переходить к проблеме происхождения данной номинации, следует выявить ее семантические и функциональные характеристики. В целом *талы́/толы́* содержит устойчивую негативную коннотацию. Чаще всего данным словом обозначаются вытаращенные глаза, в этом случае слово употребляется в таких сочетаниях, как *талы́/толы́ выворачивать/пялить/шеперить* (и т. п.): *Чё*

ты на неё свои толы́ пялишь? [ОСВГ 11: 61]. Вытаращенные глаза, глазеющий человек, сам акт «глядения» стабильно вызывают раздражение и осуждение². В языке это проявляется не только в богато представленной лексике, обозначающей сам орган зрения, но и в экспрессивных глаголах, обозначающих перцептивную функцию глаз, а также в относящихся к человеку бранных определениях, в которых акцент делается на больших, вытаращенных глазах. Ср. *вы́рачить, вы́стручить* ‘вытаращить (глаза)’ [СВГ 1: 97, 101], без указ. м. *буркала́стый*, влг. *рачегла́зый* ‘имеющий большие, широко открытые глаза’ [Даль 1: 145; СВГ 9: 45]. Вытаращенные глаза часто воспринимаются как проявление праздного поведения, отсюда, например, новг. *глазевон* ‘тот, кто из праздного любопытства заглядывает на что-либо, празднично шатается где-либо; зевака’ [СРНГ 6: 187], влг. *гла́зья вы́пучивать* ‘праздно проводить время, бездельничать’ [Золотые россыпи: 49], вятск. *толы́ выворачивать* ‘бездельничать, бесцельно проводить время в ожидании’ [ОСВГ 7: 61]. Помимо вытаращенных глаз *талы́/толы́* может обозначать глаза в состоянии алкогольного опьянения: *Налил толы́-то, дак такой уж баской идёт, такой баской: еле пакли <пакля ‘нога’> переставляет* [ОСВГ 7: 192]. Слово также достаточно регулярно обозначает бесстыжие глаза (*Не стыдно тебе толóв-то?*), плохо видящие или больные глаза (*Раскрой толы́-то; Ему надо лечить толы́*), бегающие глаза (*Чё ты своим толам-то завертел*) и употребляется в недобрых пожеланиях и угрозах вроде *лопнули бы толы́* (у кого-л.), *вытачу толы́* и пр. [ОСВГ 11: 60–61] Показательны также такие дериваты, как *больше́толы́* (неодобр.) ‘большеглазый’, ‘о завистливом и всё высматривающем человеке’ [ОСВГ 1: 89–90] и вятск., алт. *белотóлы́* ‘со светлыми глазами; белоглазый’ [ОСВГ 1: 67; СРГА 1: 55]: эти слова совмещают в своей семантике не только физические свойства глаз человека, но и его психическую характеристику (в негативной оценке). Слову *белотóлы́* уделено значительное внимание в [Березович 2016: 65–67], где рассматриваются с семантико-мотивационной точки зрения оба компонента лексемы. Но к мотивационной стороне вопроса мы обратимся позднее. На данном этапе важно указать на то, что *белотóлы́* встраивается в лексику, обозначающую светлые глаза (рус. диал. *белогла́зый, белозóрый, белоша́рый* ‘светлоглазый’ и др.). Человек с такими глазами систематически вызывает неприятие по народным представлениям, отраженным в языке: «носителями» светлых, «белых» глаз являются

инородцы (например, *чудь белоглазая*), слепые люди, мертвецы, люди в состоянии бешенства, люди с вытаращенными, страшными глазами и т. п. [Березович 2016: 65, 68–69]. В соответствии с вышесказанным, *белотольй*, обозначая сугубо физический признак, потенциально включает в свою семантику отрицательную характеристику психических свойств человека. Как видно из общего обзора, в целом устойчивая пейоративная окраска слова *талы/толы* часто может быть направлена не только на «телесные», физические свойства человека, но и на его негативно оцениваемые психические качества. См. о выраженной в языковых представлениях способности глаз содержать и отображать информацию о внутреннем мире их носителя также в [Ясинская 2015: 54–55].

Перейдем к проблеме происхождения *талы/толы* ‘глаза’. Нам известны две основных гипотезы. М. Фасмер относит слово к *талый, таять*, не аргументируя, однако, при этом представленную мотивационную связь [Фасмер 4: 16]. Е. Л. Березович, отталкиваясь от упомянутого выше *белотольй* ‘светлоглазый’, развивает гипотезу М. Фасмера и раскрывает смысловую сторону предлагаемой связи *талы* с *таять, талый*: приводятся данные, отражающие востребованность признака холода, мороза при пейоративном обозначении человека через указание на его глаза: ср. *ледяной взгляд, ледяные глаза, иркут. морóженные глаза*, перм. *обморóженные глаза, глаза заморóжены* ‘о бессовестном, наглom человеке’, иркут. *заморозить глаза* ‘стать бессовестным’. По этим данным можно допустить метафорическую базу для *талы/толы* ‘глаза’, основанную на актуализации признака холода, характерного для талых мест³. В пользу предполагаемой метафоры служит слово, свидетельствующее об обратном переносе (‘глаза’ > ‘талая вода’) – арх. *глазовина* ‘незамерзающее место на озере’ [Березович 2016: 65–67]. В настоящей статье мы попытаемся привести дополнительные аргументы, поддерживающие это этимолого-мотивационное решение.

Обособленной является версия о тюркском происхождении рассматриваемой номинации, представленная В. И. Абаевым в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка». Этимология рус. диал. *талы/толы* ‘глаза’ помещена в словарной статье на осетин. *taely, taeli* ‘обруч’, ‘обод колеса’, которое определяется как возможное заимствование из тюркских языков, ср. алт., шор. *talik* ‘кольцо’, саг. *tegilik* ‘колесо’ и др. По предположению В. И. Абаева, к этим тюркским данным (отличительная черта которых – семантика круглого) следует привести и

рус. диал. *талы* ‘глаза’, которое «следует, быть может, понимать как ‘круги’ (ср. *шары* в этом же значении)». При этом версия Фасмера о связи *талы* ‘глаза’ с *талый* представляется В. И. Абаеву сомнительной [Абаев 3: 259].

Гипотезу В. И. Абаева можно уверенно подтвердить мотивационными параллелями (помимо приводимого исследователем слова *шары*). Действительно, во внутреннюю форму обозначающих глаза экспрессивов достаточно часто закладывается идея округлой формы, например, в южн., зап., смол., кубан., курск. *баньки* – букв. ‘шарик, пузырек’, связанное с южн., зап. *баня* ‘шар, мыльный пузырь’ [Аникин РЭС 2: 183, 184], без указ. м. *плошки* [Даль 4: 399], ср. также *глаза как блюдца, глаза по пять рублей*.

Однако вернемся к версии М. Фасмера. Ранее мы уже предпринимали попытку ее раскрытия в [Леонтьева 2019: 416–421], кратко приведем основные наши положения. Помимо признака мороза и холода как свойства талых мест, в мотивационном отношении важно отметить, что слова, входящие в гнездо *талый* и *таять*, обозначают водные источники: арх., олон. *талó* ‘оттаявшее место’, свердл., ср.-урал. *талó* ‘незамерзающее место на болоте’ [СРНГ 43: 247], перм. *талéц* ‘растаявший участок на реке весной’ [СПГ 2: 433], ср.-урал. *талка* ‘проталина’ [СРГСУ 6: 87], арх. *талъ* ‘топкое место’ [КСГРС] и др. Дело в том, что по языковым данным водные источники регулярно сравниваются с органом зрения, это основано на свойстве отражения, характерном блеске и особой «структуре» (глаза выделяются из «кожного» пространства так же, как водные источники из окружающего земельного ландшафта). Семантический переход ‘глаза’ – ‘водный источник’ обнаруживается в разных языках (в том числе в не относящихся к индоевропейской семье) и является языковой фреквенталией, которая обнаруживается не только в славянских, но и в балтийских, иранских, тюркских и других языках [Журавлев 2005: 332–333; Толстой 1970: 52, 53]: ср. польск. диал. *oko* ‘незаросшая, голая часть на горной поверхности’, белорус. диал. *чóртава во́ка* ‘небольшая, но глубокая естественная яма, заполненная водой’, литов. *akis* ‘глаз’, ‘источник’, тюрк. *göz* ‘глаз’ ‘родник, ключ’ и т. п. [Журавлев 2005: 333] Есть основания считать, что этот переход может работать в оба направления, ведь как водные источники могут ассоциироваться с глазами, так и глаза уподобляются жидкости [Ясинская 2015: 49–50]: ср., с одной стороны, названия водных источников арх. *глазина* ‘лужа на болоте’, олон. *глазник* ‘окно на поверхности зарастающего озера’, ‘отвер-

стие во льду на реке, озере' [СРНГ 6: 187, 188], и с другой стороны – явление проецирования на орган зрения названий водных источников: в языке показательны такие данные, как новосиб., перм., новг. *озёрко* 'зрачок', киров. *озёрко* 'роговица'⁴ [СРНГ 23: 91], влг. *глаза на болоте* 'о человеке, который часто плачет' [Золотые россыпи: 49], в пользу такого перехода свидетельствуют сравнительные обороты в художественной литературе вроде *глаза как озёра, глаза – колодцы* и т. п., см. об этом подробнее в [Леонтьева 2019: 419].

Таким образом, предположение о том, что мотивирующим для обозначения глаз *талы/толы* мог послужить диалектный географический термин с корнем *тал-*, следует считать вполне допустимым. Для рассматриваемой номинации недостаточно было бы ограничиться нейтральным в своей основе сравнением глаз с водными источниками. Устойчивая пейоративная окраска *талы/толы*, как было показано выше, может быть основана на актуализации признака мороза и холода у талых мест. Кроме того, принимая во внимание сиб., том., арх., олон. *таять* 'растопливать, топить' [СРНГ 43: 319], допустимо в качестве дополнения предполагать актуализацию «растопливающего» воздействия пристальных глаз, ср. сочетания типа *буравящий взгляд, прожигающие глаза* и т. п.

Гипотеза В. И. Абаева о тюркском происхождении *талы/толы* (букв. 'круги') при обоснованности возможной актуализации «круглой» семантики вызывает всё же некоторые сомнения. Необходимо обратиться к закономерностям семантического освоения тюркских заимствований в русских говорах. Е. С. Николаева, анализируя тюркизмы в говорах Русского Севера, делает вывод, что наиболее активно пополняются заимствованиями такие лексические группы, как «быт», «трудовая деятельность человека» и «характеристика человека со стороны тех или иных качеств, свойств или действий» [Николаева 1997: 61, 164]. Соматическая лексика в русских говорах представлена преимущественно исконными словами и не слишком активно пополняется заимствованиями. Среди известных нам диалектных лексем, называющих глаза, тюркизмы не обнаруживаются, из заимствованной лексики можем привести единичные примеры, ср. влг. *баклы* 'глаза' < влг. *бакла* 'нарост на дереве' – заимствование из вепсского [Аникин РЭС 2: 101].

Тем не менее тюркизмы в соматической лексике встречаются, преимущественно среди экспрессивов: пенз., куйбыш., ульян., моск., свердл., ср. урал, краснояр. *калган* 'голова' [СРНГ 12:

342] < рус. диал. *калган* 'посудина' – по происхождению тюркизм [Аникин ЭСС: 239]; тюркское по происхождению арх., влг. *карга* 'о плохо действующей руке или ноге' < на базе значения влг., забайк., краснодар. *карга* 'искривленное дерево' (или влг. 'изогнутая железная палка') – по данным, представленным в [Николаева 1997: 106–107; Фасмер 2: 196], влг. *кордюк, курдюк* 'толстый живот', связанное с тюркизмом *курдюк* 'у овец: жировое отложение у корня хвоста' [ТСлРЯ: 391]. В приведенных данных прослеживается важная закономерность: такие тюркские по происхождению соматизмы являются, как правило, конкретно-образными метафорами. При этом производящее значение присутствует в русских говорах, соответственно, внутренняя форма таких соматизмов, по-видимому, не является стёртой. Между тем для *талы* 'глаза' в русских говорах не обнаруживается производящего «круглого» (несоматического) значения (по данным диалектных словарей). В этой ситуации идея округлости может передаваться только отвлеченно – через абстрактное понятие 'круг', что не вписывается в общие закономерности семантического освоения заимствований (тюркских, финно-угорских) в диалектной соматической лексике и потому мыслится недостаточно убедительным; допустить метафорический перенос на базе значения 'кольцо' из тюркских языков также представляется маловероятным.

Следующая номинация, требующая мотивационного комментария, представляет собой диалектное обозначение спелой или переспелой морошки, зафиксированное в вариантах *тали́к, тали́ка, талу́шка, талая моро́шка* (ед.), *талы́ё* (собр.), *тали́ки, толи́ки, талы́цы* (множ.) [СРГК 6: 437, 438; КСГРС]. К данным наименованиям примыкает влг. (кир.) *талеть* 'становиться сочным, мягким (о ягодах)' [СРГК 6: 436]. В лингвогеографическом отношении эти слова характеризуются узким ареалом распространения на северо-западе Вологодской области (выт., вашк., белоз., кир., вож.) и на юго-западе Архангельской области (кон., карг.).

С. А. Мызников для упомянутых лексем предполагает заимствованное происхождение. Поскольку речь идет о перезревшей морошке, которую не сразу собрали, данные диалектизмы следует сопоставлять с вепс. *d'al'ik* 'гнилой (о картофеле)', в основе которого лежит глагол *g'atta, j'atta, d'atta* 'оставить' [РДЭС: 778]. В то же время номинация сопоставима с рус. *таять*, в одном из контекстов отражено, что диалекто-

носители видят именно такую связь: *Когда морошка поспеет, так становится мягкой, так во рту и тает, талушки* [СРГК 6: 437]. С. А. Мызников, однако, придерживаясь версии о заимствовании, называет сомнительной мотивацию, по которой ягода тает (во рту) [РДЭС: 778].

Допустимо видеть иную семантическую логику в возможной мотивационной связи с *таять*: особенностью спелой (и переспелой) морошки является избыток сока, ср. определение, данное в СРГК [6: 436], – *талики* ‘мягкая сочная, спелая ягода’. Другими словами, ягода, становясь мягкой и сочащейся, может восприниматься как «тающая». Показателен контекст: *Талая стала морошка, текёт с её сок* (влг.) [КСГРС]. Следует отметить, что в иллюстративных контекстах фигурирует морошка, которая пригодна для сбора и употребления в пищу, что ставит под сомнение актуализацию признака «гнилья» у рассматриваемых названий морошки: *Летоса, как съедут, так полные корзины талья́ приносят; Морошка на талики́ делается, так хорошо варенье варить* [СРГК 6: 437]. О связи с *таять* в формальном отношении свидетельствует наличие варианта *талая морошка* наряду с *талики, толики*, а также формальный параллелизм *тали́к* ‘спелая ягода морошки’ и влг., карел. *тали́к* ‘теплая погода; оттепель’, вятск. *тали́к* ‘незамерзающий родник’ [там же; СРНГ 43: ОСВГ 11: 12] (мотивационная связь двух последних слов с *таять* не вызывает сомнений).

Именно с *таять* связывает рассматриваемые названия спелой морошки О. В. Мищенко [Мищенко 2012], уточняя при этом, что семантический переход является не исконным, а скалькированным с финно-угорских дериватов от ‘таять’. На первый взгляд, в названии *талая морошка* (и его вариантах) отражается реализация представлений об истечении жидкости, которое сопровождается потерю ягодами своей жесткой структуры. Однако, анализируя семантическую организацию гнезда русского *таять*, исследователь приходит к выводу, что в названиях созревших ягод переход ‘таять’ – ‘становиться мягким’ маловероятен для исконной семантической линии. В русском языковом материале проявляется, что «таяние» всегда происходит под влиянием внешних факторов – прежде всего, под влиянием высокой температуры, ср. *оттаять* (о почве, о замороженных продуктах), диал. *талый* ‘приготовленный топлением, топленьый (например, о масле)’ и т. п. Появление значения ‘спелая морошка’ не встраивается в эти закономерности, так как не актуализирован внешний фактор повышенной температуры [там же: 199].

В отличие от русских языковых данных, финно-угорский материал показывает, что в семантической организации гнезда ‘таять’ устойчивой является не столько линия сочащейся жидкости, сколько линия мягкости, при этом важно, что мягкость является «имманентным свойством объекта» и может возникать (в отличие от русских дериватов) не только от физического процесса таяния; ср. фин., карел., вепс., вод., эст., лив. *sula (sula)* ‘талый’ и фин. *suleva* ‘гибкий, эластичный, мягкий’, карел.-ливв. *šulava, sulava* ‘мягкий, гибкий (о коже, шкуре, мехе)’. Значение ‘спелая морошка’ вполне встраивается в эту иноязычную семантическую линию. Мотивация глаголом *таять*, таким образом, для русских названий спелой морошки не связана с самостоятельной деривацией и является семантической калькой с финно-угорских языковых единиц [там же: 198, 200].

В пользу версии о калькировании свидетельствует узкий ареал распространения номинации, являющийся контактной зоной с финно-угорскими народами. Морошка – реалия, которая активно репрезентируется в финно-угорских языках, см. о них в [Бродский 2014: 130–139]. При этом в прибалтийско-финских языках выделяются специфические для этой ягоды идеограммы, такие как ‘незрелая морошка’ и интересующая нас ‘перезрелая морошка’ [там же: 130].

В целом как в финно-угорских, так и в русских названиях морошки проявляется, что номинативные процессы для этой ягоды очень часто связаны со сложным межязыковым взаимодействием. Само слово *морошка* считается финно-угорским заимствованием [Бродский 2014: 137; Фасмер 2: 658], в то время как вод. *glaža, glažža* ‘морошка’ – заимствование из русского (*глажи* ‘морошка’, ‘малина’, ‘костяника’ < рус. *гладкий*) [Бродский 2014: 134; Фасмер 1: 409].

Любопытно рассмотреть контаминационные процессы в названиях морошки в плане взаимодействия финно-угорского и русского материала. Небезынтересно сравнить рассматриваемое *талики́* с арх., олон. *рохка́ч, рофкач, рокка́ч* со значением ‘незрелая морошка’, которые связывают с фин. *rohka*, кар. *ruokha* ‘незрелая ягода’, эст. *rõhk, rõhke* ‘сочный, мягкий, полужелтый (о зерне)’. Следует заметить, что облик родственных диалектизмов олон. *ро́хлый* ‘неспелый (о ягодах)’ и арх. *рохле́ц* ‘незрелая морошка’ свидетельствуют о контаминационных процессах в русском и прибалтийско-финском материале [РДЭС: 686–687]. Вполне можно предполагать влияние рус. *рыхлый*, влг. *ро́хлый* ‘рыхлый’ [Даль 4: 107]: у незрелой ягоды может актуализироваться при-

знак рыхлости, то есть мягкости, «несформированности», в этом плане показательно совмещение значений 'мягкий' и 'полузрелый' у эст. *rõhk, rõhke*. Однако, как мы видели ранее, мягкость является признаком именно (напротив) спелой морошки, что так или иначе отражается в ее названии *талики/толики*. Полноценной мотивационной параллелью может послужить арх. *рыхлица* 'вполне спелая морошка' [Подвысоцкий 1875: 150]. По приведенным данным можно предполагать, что признак рыхлости (заключенный в дериватах от *рыхлый* и лексемах с влиянием этого слова) потенциально может в семантическом отношении «вести» как к зрелости, так и к незрелости ягод. В целом взаимодействие приведенных языковых единиц требует более глубокого исследования.

В заключение наших размышлений о номинации *талики/толики* укажем на сходные в мотивационном отношении параллели, обозначающие зрелую морошку. О. В. Мищенко приводит в своем исследовании также влг. *топёшка, растопёшка, ростопёшка* 'зрелая морошка' и *растопиться* 'попеть, раскрыться (о морошке)' – эти данные трактуются как реализация той же самой кальки, что с *талики/толики*, только на базе другого (синонимичного с *таять*) корня [Мищенко 2012: 200]. Мы добавим к этому более далекое, но всё же сходное в мотивационном отношении новг. *паруха* 'переспелая морошка' [НОС: 791], которое следует отнести к гнезду *парить*. Вероятнее всего, в этой номинации также передается признак мягкости и «текучести»: созревшая, сочащаяся ягода воспринимается как «распаренная». Весьма любопытно, что идея спелости ягоды в данном случае передается через основу, семантически связанную с повышением температуры как внешним фактором, вопреки замечанию О. В. Мищенко о том, что такая семантическая логика для обозначения зрелой морошки маловероятна. Следовательно, можно допускать, что такие семантические потенциалы могли быть реализованы у *таять* для *талики/толики*⁵.

По-видимому, вопрос о калькированном или исконном происхождении *талики/толики* 'спелая морошка' на данном этапе сложно решить однозначно. Требуется более полный анализ русских и финно-угорских названий морошки и их взаимодействия. Мы видели, что для передачи идеи мягкости зрелой морошки русский материал помимо *талики/толики* предлагает множество вариантов: по крайней мере, *рыхлица, топёшка/растопёшка, паруха*. Пока позволим себе отметить, что исконная версия (т. е. предположение о «самостоятельной» деривации *таять* >

талики/толики), как нам кажется, более предпочтительна.

Последняя номинация, к которой мы обратимся – влг. (влгд., хар.) *талица* влад., ряз. *талька* 'брюква', ряз. *талика* 'горькая брюква' [СРНГ 43: 243, 246, 251; КСГРС]. Этимологические решения для этих лексем нам неизвестны. Вместе с нашими предположениями о происхождении этих названий брюквы мы представим замеченные нами семантические пересечения с мотивационной логикой анализируемого выше *талики/толики* 'спелая морошка'.

Брюква является растением, из которого готовятся различные кушанья. Брюкву, как правило, парят, вялят и запекают. Способы приготовления этого корнеплода отражены в таких диалектизмах, как ленингр., новг., олон., арх. *пара*, арх., влг. *паренца*, арх. *парница* 'пареная брюква или репа', влг. *вяленица* 'вяленая или сушеная репа или брюква', влг., вятск. *печеница* 'печеная репа, брюква' [СРНГ 6: 78; 25: 214; 26: 347]. При термической обработке брюква становится мягкой и пускает сок. Это свойство, как мы предполагаем, обусловило появление рассматриваемых *талица/талика/талька*, соответственно, в качестве этимона для них следует предполагать глагол *таять*. В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что по способу приготовления может называться не только кушанье из брюквы, но и сам корнеплод: влг. *паренуха* 'брюква' [СРНГ 25: 223], костр., влад. *перепёчка* 'крупная брюква': *Пудов пять перепечек насбирал* [СРНГ 26: 185], ср. шир. распр. *перепёча* 'кулич, каравай', сев.-двин., арх., вятск. 'ватрушка с картошкой' [там же].

Исконный характер такой мотивации не вызывает сомнений, так как «таяние» (выделение сока) обусловлено внешними факторами, т. е. повышением температуры.

Рассмотренные нами диалектные фитонимы *талики/толики* 'спелая морошка' и *талика/талица/талька* 'брюква', таким образом, по нашему предположению, восходят к общей основе – *таять*. В случае с морошкой реализуется модель 'таять' – 'становиться мягким, зреть, переполняться соком', в случае с брюквой мотивационная логика несколько иная – 'таять' – 'становиться мягким, выделять сок под влиянием повышенной температуры'. Судя по лингвогеографическим данным и семантико-мотивационным характеристикам, данные номинации являются независимыми друг от друга образованиями. Однако очевидно, что они пересекаются друг с другом в

мотивационном отношении. Кроме того, обнаруживаются любопытные совпадения в некоторых других названиях брюквы и морошки, которые встраиваются в мотивационную логику анализируемых в данной статье дериватов от *таять*.

Во-первых, небезынтересно сравнить приводимое выше арх. *рыхлица* 'спелая морошка' с нижегор. *рыхва* 'брюква' [СРНГ 35: 322]: последнее слово, вероятно, как и *брутва*, *грухва*, *рухва* (и под.) 'брюква' [СРНГ 3: 211; 7: 171; 35: 275], является искаженным словом *брюква*; однако вполне вероятно, что облик этого слова появился под влиянием слова *рыхлый*. Как мы уже отмечали выше, *рыхлый* передает семантику мягкости, которая востребована как для спелой морошки, так и для термически обрабатываемой брюквы. Во-вторых, следует сопоставить упомянутое выше новг. *паруха* 'спелая морошка' и влг. *паренуха* 'брюква': оба слова объединяются заложеной во внутреннюю форму идеей повышения температуры, связанной с признаками мягкости и выделения сока.

Наконец, следует отметить определенную общность реалий: и морошка, и брюква термически обрабатываются (хотя, безусловно, для брюквы это более характерно), что в определенном отношении «поддерживает» идею «таяния» и «парения» у обеих номинаций.

Таким образом, рассмотренные названия морошки и брюквы с корнем *тал-//тол-* и их мотивационные параллели показывают, что происхождения названий морошки и брюквы могут находиться на пересечении линий «парения» и «таяния», передающих идею мягкости (обусловленной или созреванием, или особенностями приготовления). Эти мотивационные закономерности, которые мы на данном этапе можем только наметить, требуют более обстоятельного изучения с широким подключением синонимичных диалектных фитонимов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Автор выражает глубокую признательность Юрию Альбертовичу Дзицкойты за ценные советы и указание на важный источник для настоящей статьи.

² Негативное отношение к вытаращенным глазам проявляется не только в языке, но и в фольклорном материале. См. об этом в [Завалишина 2003: 86, 87].

³ Немаловажен также формальный критерий: отмечается, что корневое чередование *талы/толы* не является препятствием для приведения номинации к гнезду *талый, таять*, где встречается слово с таким же чередованием, ср. арх. *тол* 'талая земля, почва' [Березович 2016: 66]. Следует предполагать, что вариант *толы* вторичен и обусловлен деэтимологизацией.

⁴ Более вероятно, что данные слова, как и само слово *зрачок*, являются прямыми продолжениями прасл. **zъreti* (рус. *зреть*), то есть не являются образными номинациями, более ярко отсутствие метафорической базы проявляется в формально схожих смол. *озёрки* 'искры, темные пятна, рябь в глазах', калуж. *озернок* 'зрачок' [СРНГ 23: 91, 92]. Однако следует допускать возможность по крайней мере вторичного притяжения, ср. влад. *озёрка* 'маленькое озеро', олон., ленингр., тобол., горно-алт., влг., пск., новг., калин., влад., арх., ряз. *озёрко, озерко* 'озеро; небольшое озеро' [там же: 91].

⁵ В качестве дополнения отметим, что в логику появления рассматриваемой номинации морошки встраивается возможность актуализации фактора внешнего повышения температуры, которое проявляется при термической обработке, необходимой для спелой скоропортящейся ягоды: ср. контекст *Морошка на талики делается, так хорошо варенье варить* (влг.) [КСГРС].

Список источников (с сокращениями)

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: Указатель. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1995. Т. 1–5.

Аникин РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники, 2007–. Вып. 1–.

Аникин ЭСС – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Д. Гецовоной. М.: Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 1–.

Ганцовская 2015 – Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н. С. Ганцовская; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исслед., Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, РОО «Костромское землячество в Москве». Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Кн. клуб Книгобек, 2015. XXXI, 511 с.

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880–1882(1989).

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

ДЭИС – Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина; Свердл. обл. дом фольклора; кафедра русского языка и общ. языкознания УрГУ. Екатеринбург, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина; М-во образ. и науки РФ; Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда: ВГПУ, 2014. 304 с.

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. 275 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. 2-е изд., испр. и доп. Киров: ООО «Коннектика», 2012–. Вып. 1–.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 198 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 2000.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изда-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1987.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–.

ТСЛРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник. 1175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.

Список литературы

Березович Е. Л. Берестяная рожа и берестяные глаза: Этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам // *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil. 1. Frankfurt am Main, 2016. S. 57–81.*

Бродский И. В. Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка) // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2014 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2014. С. 124–139.*

Власова Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной «глаз» в общенародном языке и говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 1997. 26 с.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 1004 с.

Завалишина К. Г. Концепт «глаза» в народно-песенной традиции русского, немецкого и английского этносов в лингвокультурологическом аспекте // *Лингвофольклористика. Курск: Изд-во Курск. гос. унта, 2003. Вып. 7. С. 74–88.*

Леонтьева М. О. Негативно маркированные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 411–424.*

Мищенко О. В. К этимологии сев.-рус. *талая морошка* // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сент. 2012 г.: в 2 ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. 1. С. 198–201.*

Николаева Е. С. Тюркизмы в говорах Русского Севера: дипл. работа / УрГУ. Екатеринбург, 1997. 178 с.

Толстой Н. И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов // Местные географические термины. Вопросы географии. 1970. № 81. С. 46–53.

Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 278 с.

Ясинская М. В. «Человек смотрящий»: лексика и фразеология // Образ человека в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: «Индрик», 2018. С. 64–78.

References

Berezovich E. L. Berestyaniya rozha i berestyanye glaza: Etnolingvističeskij kommentarij k russkim dialektnym frazeologizmam [Birchbark face and birchbark eyes: Ethnolinguistic commentary to Russian dialect phraseological units]. *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil I* [Slavic Spiritual Culture: Ethnolinguistic and Philological Studies. Pt. 1]. Frankfurt am Main, 2016, pp. 57–81. (In Russ.)

Brodsky I. V. Vozvrashchayas' k drevnejšim nazvaniyam jagod v finno-ugorskikhazykakh (brusnika i moroshka) [Returning to the most ancient names of berries in the Finno-Ugric languages (lingberry and cloudberry)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya). 2014* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies). 2014]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS Publ., 2014, pp. 124–139. (In Russ.)

Vlasova N. A. *Frazeologičeskoe gnezdo s veršinoj 'glaz' v obščinarodnomazyke i govorakh: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The phraseological family with the 'eye' root in the nationwide language and dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 1997. 26 p. (In Russ.)

Zhuravlev A. F. *Yazyk i mif. Lingvističeskij kommentarij k trudu A. N. Afanas'eva 'Poetičeskie vozzreniya slavyan na prirodu'* [Language and Myth. Linguistic commentary to the publication of A. N. Afanasyev 'The Slavs' Poetic Outlook on Nature]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1004 p. (In Russ.)

Zavalishina K. G. Kontsept 'glaza' v narodno-pesennoj traditsii russkogo, nemetskogo i anglijskogo etnosov v lingvokul'turoloģičeskom aspekte

[The concept of 'eye' in the folk and song tradition of the Russian, German, and English ethnic groups in the linguocultural aspect]. *Lingvofol'kloristika* [Linguo-folkloristics]. Kursk, Kursk State University Press, 2003, issue 7, pp. 74–88. (In Russ.)

Leont'eva M. O. Negativno markirovannye oboznačeniya glaz v russkikh narodnykh govorakh: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Negatively marked designations of eyes in Russian dialects: Semantic and motivational aspect]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019* [Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2019]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS Publ., 2019, pp. 411–424. (In Russ.)

Mishchenko O. V. K etimologii severno-russkogo talaya moroshka [On the etymology of the Southern Russian 'talaya moroshka']. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 8–10 sentyabrya 2012 g.: v 2 ch.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the 2nd International scientific conference, Ekaterinburg, September 8–10, 2012: in 2 pts.]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2012, pt. 1, pp. 198–201. (In Russ.)

Nikolaeva E. S. *Tyurkizmy v govorakh Russkogo Severa: diplomnaya rabota* [Turkisms in the Dialects of the Russian North: graduation work]. Ekaterinburg, Ural State University, 1997. 178 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I. K probleme izučeniya slavyanskikh mestnykh geograficheskikh terminov [On the issue of studying Slavic local geographical terms]. *Mestnye geograficheskie terminy. Voprosy geografii* [Local Geographical Terms. Geographical Issues]. Moscow, 1970, issue 81, pp. 46–53. (In Russ.)

Yasinskaya M. V. *Predstavleniya o glazakh i zrenii vazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan: dis. kand. filol. nauk* [The representations of eyes and vision in language and traditional culture of the Slavs. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 278 p. (In Russ.)

Yasinskaya M. V. *Chelovek smotryashchiy: Leksika i frazeologiya* ['The man who is looking': Vocabulary and phraseology]. *Obraz cheloveka vazyke i kul'ture* [The Image of Man in Language and Culture]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 64–78. (In Russ.)

FROM THE ETYMOLOGY OF RUSSIAN DIALECTAL WORDS WITH THE ROOT 'TAL-//TOL-'

Maria O. Leont'eva

Research Assistant at the Toponymic Laboratory

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. marileonteva@yandex.ru

SPIN-code: 4303-7590

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Submitted 25.08.2021

The article presents etymological and motivational analysis of three dialectal lexical groups with the root *tal-//tol-*. The author considers that the dialecticisms under study refer to the word family *талый* <talyi> (melted) / *таять* <tayat'> (to melt) and attempts to reconstruct its own motivational logic for each lexical group. The first part of the article analyzes the word *талы/толы* <taly/toly> (eyes), the origin of which currently remains not clear enough. The author provides the known hypotheses of the word origin, which include both the initial version (bringing to the family *таять* (to melt) and an assumption of borrowing. The initial version of the word origin is developed based on its semantic and functional characteristics, the peculiarities characterizing the perception of the organ of vision in language and culture, and motivational patterns in dialectal designations of eyes. The version of the origin of the word as borrowed from the Turkic languages is critically analyzed through reference to the patterns of the appearance of Turkic borrowings in Russian dialects. The second part of the article is devoted to the lexical group *талики/толики* <taliki/toliki> (ripe cloudberry). Different sources treat these lexical unit as a Finno-Ugric borrowing, on the one hand, and as related to the Russian word *таять* (to melt), on the other hand, thus interpreting them as a result of semantic loan translation from Finno-Ugric. The paper provides some additional arguments in favor of the version that the names of ripe cloudberry belong to the family *таять* (to melt), while admitting the possibility of the original (not loaned) origin of the naming. The third part of the article deals with the dialectal word *талица* <talitsa> (rutabaga), the etymological solutions for which are unknown. The author considers this word to have origin in the verb *таять* (to melt), which is argued based on the peculiarities of the secretion of juice from rutabaga while its being cooked. In conclusion, some other names of cloudberry and rutabaga are compared, and general semantic lines of 'melting' and 'steaming' for the analyzed phytonyms are derived.

Key words: Russian dialect lexis; etymology; motivational analysis; language contact; somatic lexis; pejoratives; phytonyms.